

**Русский архив. Историко-литературный
сборник. 1904**

Выпуски 5-8

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1904: Выпуски 5-8 / – М.: Книга по Требованию, 2015. – 632 с.

ISBN 978-5-458-45572-5

Оригинальное название: Русский архив. Историко-литературный сборник. 1904. Выпуски 5-8 «Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенева – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенева издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенева подбирал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РУССКІЙ ЯРМЪЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ.

О, вспомни твой удѣлъ высокой,
Былое въ сердца воскреси!

Хомяковъ.

1904.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

1904.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧЪ ФЕДОРОВЪ*).

Воспитатель и учитель.

Задачи образования, просвѣщенія или, какъ предпочиталъ выражаться Николай Федоровичъ, познанаія разсматривались имъ всегда въ неразрывной связи съ задачами воспитанія. „Знаніе само по себѣ“, говорилъ онъ, „не можетъ служить цѣлю; оно лишь средство къ достиженію высшей цѣли, цѣли самой жизни“. Не говоря уже о томъ, что знаніе ради одной любознательности было бы только облагороженнымъ видомъ безцѣльнаго занятія, оно, такъ поставленное, не въ состояніи дать конечнаго удовлетворенія людямъ, какъ существамъ нравственнымъ: знаніе раскрываетъ намъ только то *что есть* при совокупности настоящихъ, наличныхъ условій, то-есть только реальную дѣйствительность при данномъ положеніи вещей. Но существующее положеніе вещей и благо (въ особенности нравственное благо) не одно и тоже; они далеко не совпадаютъ. Даже совершенное знаніе того что есть не въ состояніи дать намъ миръ совершенный; наоборотъ, оно должно было бы повергнуть человѣчество въ скорбь, которая была бы безпросвѣтною и безнадежною, если бы на *такомъ* знаніи можно было остановиться, если бы требованія нравственнаго блага, не совпадающія при существующемъ порядкѣ вещей съ дѣйствительностью, не указывали знанію иного, высшаго назначенія: стать изъ пассивнаго проективнымъ и активнымъ, перейти въ дѣло, въ *преобразование существующаго въ долженствующее быть*. Воспитаніе есть подготовка этого дѣла въ области чувствъ, воли и характера; обученіе, образованіе, познанаіе даютъ ему средства къ осуществленію.

Первое изъ этихъ средствъ—*всеобщность и обязательность образованія*. Этотъ вопросъ, столь усердно обсуждаемый въ наши дни, Н. Ф. Федоровъ рѣшалъ совершенно своеобразнымъ путемъ.

„Вопросъ о цѣли существованія (выражаясь его подлинными словами) связанъ съ дѣломъ самодержавія, въ коемъ, какъ воспреемничество и душеприкащичество, заключается весь вопросъ о воспитаніи и образованіи, объ ихъ всеобщности, задачѣ и цѣли“. Не вдаваясь здѣсь прежде времени въ изложеніе воззрѣній Н. Ф.—ча на самодержавіе по существу, мы ограничиваемся пока указаніемъ на то, что для него, ставившаго вопросъ о всеобщемъ спа-

*) С . въ первой книгѣ „Русскаго Архива“ сего года, выпуски 2, 3 и 4-й.

сеніи въ зависимость отъ возстановленія всемірнаго родства, самодержавіе представлялось единственною формою государственнаго строя, способною привести къ всечеловѣческому объединенію.

„Для возстановленія братскаго единенія, для истиннаго расширенія и сохраненія его въ родѣ человѣческомъ, а также и для руководства братскимъ союзомъ сыновъ умершихъ отцовъ въ общемъ дѣлѣ отеческомъ, въ дѣлѣ, вызываемомъ утратами (смертью), требуется намѣстникъ, всеобщій душеприкащикъ, „стоящій въ отцовъ мѣсто“ (какъ выражались наши предки, такъ и понимавшіе высшую власть). Это и есть самодержецъ. Самодержецъ, какъ стоящій въ отцовъ мѣсто, въ вѣнчаніи на царство получаетъ отъ Бога отцовъ, Бога Троичнаго, высшее освященіе, дѣлается орудіемъ Божественной воли, чтобы руководить дѣломъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ, объединяя ихъ въ дѣлѣ по образу Бога Трїединаго“.

„Высшее назначеніе самодержавію даетъ *православіе*, такъ какъ дѣло самодержавія не ограничивается однимъ внѣшнимъ, неполнымъ умиротвореніемъ. Для умиротворенія же внутренняго было принято христіанство, по желанію и самого народа, инстинктивно, повидимому, чувствовавшаго глубоко-скрытое въ христіанствѣ всемірное родство. Христіанство было принято Русью въ его высшей, Византійской формѣ всемірнаго печалованія о жертвахъ розни и гнета, то-есть о всѣхъ умершихъ и умирающихъ. Это печалованіе однако, въ отличіе отъ такъ называемой „мировой скорби“, ограничивающейся однимъ нытьемъ, требуетъ *дѣла* (за неисполненіе котораго и погибла Византія). Православіе не имѣетъ свѣтской власти, наподобіе папизма, а потому и угнетать никого не можетъ; но и къ розни, которую подъ видомъ свободы боготворитъ протестантизмъ, православіе равнодушнымъ не остается. Православіе (по образцу высшаго христіанскаго догмата Пресвятой Троицы) требуетъ, чтобы въ родѣ человѣческомъ, при совершеннѣйшей самостоятельности лицъ, было и полное ихъ единство, то-есть требуетъ такого общенія или общества, въ сравненіи съ которымъ самые высокіе идеалы соціологіи становятся не только низкими, но и нечестивыми. Православіе требуетъ такого общества, которое не нуждалось-бы ни въ наказаніяхъ, ни въ надзорѣ... ибо все юридическое и экономическое есть мерзость предъ Трїединымъ Богомъ и многоединымъ человѣческимъ родомъ... Санъ самодержца и предназначенъ для постепеннаго устраненія всего юридическаго, какъ безнравственнаго и антирелигіознаго“ (Статья „Самодержавіе“ въ газетѣ „Асхабадъ“. 10 Іюля 1901 г. № 191).

„Что Русское православіе есть дѣло, осуществленіе, а не подобіе его только, не метафора, не внутреннее лишь и таинственное дѣйствіе, это видно уже изъ перваго вопроса, который предлагаетъ миссіонерамъ Равноапостольный Владимиръ. „Какая ваша заповѣдь?“ а не „во чтѣ вы вѣруете?“ спрашиваетъ онъ (впрочемъ, и слово „вѣра“ обозначало въ то время не мнѣніе только, а клятву, обѣтъ исполнять дѣло; отсюда и „вѣроломный“, то-есть

нарушитель обѣта, клятвы). Сущность самодержавія начпнаетъ раскрываться въ вопросѣ, заданномъ Владиміромъ о заповѣди, на который онъ далъ самъ и отвѣтъ, не словомъ, а дѣломъ (своимъ нравственнымъ перерожденіемъ)... Русскій народъ былъ крещенъ безъ оглашенія, безъ наученія, какъ крестятъ младенцевъ; онъ пошелъ къ купели по приказанію князя, но какого князя? того, который на самомъ себѣ, на дѣлѣ показалъ, что такое христіанство. Какой катихизисъ, какой аргументъ могъ быть сильнѣе такого примѣра?... Народъ нашъ, у котораго все лучшее дѣлалось сообща, который предпочиталъ не только жить, но и умирать вмѣстѣ, „всѣмъ за-одинъ, всѣмъ какъ одинъ“, могъ и креститься не въ-одиночку, а лишь въ общей купели, имѣя общимъ своимъ воспреемникомъ князя, какъ общаго отца, стоящаго въ отцовъ мѣсто“. Эти два обстоятельства: крещеніе безъ оглашенія, на вѣру князя и сообща, опредѣлили сами собою великую задачу самодержавія. „Самодержавіе, какъ воспреемничество, есть принятіе на себя долга за воспринятый народъ, долга, заключающагося въ осуществленіи чаемаго, въ осуществленіи явномъ, дѣйствительномъ того, что до христіанства было лишь прообразованіемъ. Самодержавіе приняло на себя долгъ, обязанность приготовить народъ, сдѣлать его способнымъ къ осуществленію на самомъ дѣлѣ того, что при крещеніи, мѣропомазаніи и другихъ таинствахъ совершается таинственно. Поэтому самодержавіе, какъ воспреемничество, есть *возглавленіе*, тогда какъ папство, абсолютическое и непогрѣшимое, есть *обезглавленіе*... Воспреемничество, какъ выраженіе самодержавія, есть *возглавленіе всѣхъ*, то-есть *всеобщее, обязательное прощепеніе*.... или *обращеніе общества*, по типу животнаго организма слѣпою силою созданнаго, *въ общество по образу и подобію Пресвятой Троицы*. Возглавленіе означаетъ, что главою земнаго общества дѣлается *церковь*, и это не папозаризмъ и не цезаропапизмъ: самодержавная власть, въ отца мѣсто стоящая, есть *сила воспитывающая*, то-есть *ведущая къ совершенности*“.

Отсюда ясно, что „всеобщее обязательное образованіе есть христіанская обязанность царя-воспреемника, заключающаяся въ томъ, чтобы всѣхъ довести до состоянія зрѣлости умственной и нравственной, до выхода изъ возраста шалостей и баловства (къ которымъ въ обширномъ смыслѣ народъ причисляетъ и разбои, и грабежи), изъ возраста ссоръ и дракъ (къ которымъ въ широкомъ смыслѣ принадлежатъ и войны), изъ возраста увлеченія игрушками (куда относятся и всѣ прихоти, создаваемые торгово-мануфактурною культурою), дабы ставшіе совершеннолѣтними, то-есть не нуждающіеся уже ни въ дядькахъ, ни въ надзирателяхъ, ни въ карцерахъ, стали участниками настоящаго, общаго, великаго дѣла“. „Владимиръ былъ воспреемникомъ Русскаго народа отъ общей купели и этимъ принялъ на себя и всѣхъ своихъ преемниковъ долгъ всеобщаго обязательнаго образованія, которое въ настоящее время должно быть необходимымъ дополненіемъ всеобщей воинской повинности, чтобы постепенно превратить ее изъ борьбы съ себѣ подобными въ объединеніе въ трудѣ познанія слѣпой силы (природы) и обращенія ея въ управляемую разумомъ“ („Самодержавіе“ въ „Асхабадѣ“ 1901 г. № 192).

„Власть, соединивъ воинскую повинность со всеобще-обязательнымъ образованіемъ, введетъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ въ дѣло познанія и управленія текущими явленіями природы для возстановленія прошедшаго (отцовъ). Въ этомъ заключается послѣдній и окончательный проектъ всеобщаго, обязательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ добровольнаго образованія, ученія и дѣла, осуществленіе котораго и приведетъ къ тому, что царь вмѣстѣ съ народомъ будетъ во-истину самодержцемъ, властителемъ, управителемъ слѣпыхъ силъ природы, ея царемъ, царемъ не душъ, какъ папа, а матеріи и силы, повелителемъ вѣшняго, матеріальнаго міра, освободителемъ отъ закона юридическаго и экономическаго и наконецъ возстановителемъ господства нравственнаго или (что тоже) родственнаго закона“ (Статья „Отвѣтъ на вопросъ: „Что такое Россія?“ въ „Асхабадъ“ 1901 г. № 187).

„Такимъ образомъ двѣ великихъ обязанности лежатъ на самодержавіи: всеобщая воинская повинность, которая уже совершила великое дѣло, и всеобщее обязательное образованіе, которое должно измѣнить войну въ миръ, слѣпую борьбу между разумными существами превратить въ объединеніе для изученія и обращенія слѣпой силы природы въ управляемую разумомъ („Самодержавіе“, № 192). Такая регуляція, взаимъ нынѣшней эксплуатаціи и утилизаціи, приводящихъ природу къ истощенію и разрушенію, а людей къ конкуренціи и раздорамъ, явилась-бы по отношенію къ природѣ трудомъ, освобождающимъ отъ голода, болѣзней и смерти, по отношенію къ наукѣ, объединеніемъ всѣхъ отраслей знанія, которому „теологія давала-бы цѣль, психологія—содержаніе, а космологія—средства; наконецъ, по отношенію къ людямъ регуляція была бы общимъ „братскимъ дѣломъ сыновъ, исполняемымъ ради отцовъ, смерть которыхъ скрываетъ наше сходство, наше сродство и является первою причиною не-братства“ (Тамъ же, №№ 192 и 202).

Возводя всеобщее образованіе въ высшую обязанность самодержавія называя самодержца „не только инициаторомъ всеобщаго обученія, но и предводителемъ ученыхъ“, Н. ѳ. возводитъ съ другой стороны въ обязанность ученыхъ и всей такъ называемой интеллигенціи *сотрудничество съ царемъ и народомъ въ этомъ всечеловѣческомъ дѣлѣ*, при чемъ на долю ученыхъ выпадаетъ почетная задача стать учителями народа. Такою постановкою вопроса о всеобщемъ образованіи рѣшаются и главные затрудненія по его осуществленію, обыкновенно возникающія при иныхъ способахъ рѣшенія. Известныя трудности: гдѣ взять средствъ и учителей для всеобщаго обученія? не существовали для нашего радикала, устранявшаго ихъ своимъ любимымъ началомъ добровольнаго и безкорыстнаго труда. „Для совершенія этого дѣла“, говоритъ онъ, „для исполненія этого долга нужно принести въ жертву и имущество, и жизнь, то-есть къ обязательному налогу присоединить добровольный, а интеллигенція кромѣ того должна къ обязательной службѣ присоединить и добровольное учительство („Самодержавіе“, № 192). Аттестатъ объ окончаніи учебнаго курса означаетъ, по мнѣнію Н. ѳ-ча, что ученикъ не только знаетъ то, чему его учили, но и можетъ передать это знаніе другимъ,

можетъ самъ научать; если же онъ дѣйствительно другихъ научилъ, онъ заслуживаетъ высшей отмѣтки въ успѣхахъ и поведеніи, какъ свидѣтельства о томъ, что онъ, будучи еще ученикомъ, становился уже и учителемъ. По окончаніи же курса быть учителемъ, то-есть умѣть передавать знаніе (и умножать его) есть не отличіе, а необходимая принадлежность оканчивающаго курсъ, обязанность всѣхъ окончившихъ его; кончать же его успѣшно должны бы всѣ, кромѣ страждущихъ болѣзною слабоумія, на изцѣленіе коего медицина должна обратить особое вниманіе. При такомъ естественномъ ходѣ ученія и обученія не было бы необходимости въ особыхъ педагогическихъ институтахъ и учительскихъ семинаріяхъ: долгъ всѣхъ умственно зрѣлыхъ быть учителями—такой же всеобщій, какъ право зрѣлыхъ физически быть братьями и отцами, то-есть всеобщій долгъ учительства есть абсолютно - необходимое условіе участія всѣхъ во всеобщемъ дѣлѣ и успѣшности этого дѣла“ (Статья „Размышленія надъ аттестатомъ“).

Итакъ, „положить начало просвѣтительному строю въ государствѣ лежитъ на обязанности интеллигенціи, и потому самъ собою является вопросъ: приготовлена ли къ этому интеллигенція, можетъ ли она положить такое начало? Отвѣтъ на этотъ вопросъ возможенъ лишь отрицательный, потому что интеллигенція долгое время была всецѣло, а въ большинствѣ случаевъ и по нынѣ еще, одержима себялюбивымъ стремленіемъ къ центру и вверхъ, то-есть къ служенію сильнымъ, избраннымъ и властнымъ и къ увеличенію своей личной силы и власти, къ фортунамъ, къ карьерѣ, между прочимъ и ученой. Но гдѣ же та сила, которая могла бы дать толчекъ, способный измѣнить это стремленіе, направить интеллигенцію изъ центра къ окраинамъ, сверху внизъ, отъ группы немногихъ привилегированныхъ, развитыхъ, высоко или счастливо поставленныхъ ученыхъ, къ великому множеству обездоленныхъ въ области знанія, къ душамъ „во тьмѣ сѣдящимъ“? „Необходимъ нравственный переворотъ въ интеллигенціи, необходима высшая школа, которая приготовила бы ее къ дѣятельности въ низшей, превративъ заботы о матерьяльныхъ интересахъ въ заботу о самомъ существенномъ, о воспитаніи и образованіи всеобщемъ“ (Статья „О задачахъ воспитанія и образованія“). Даже среди тѣхъ, кто такъ много толкуетъ о всеобщемъ обязательномъ обученіи, нѣтъ еще достаточно зрѣлаго взгляда на все величіе этой задачи, подлежащей нашей интеллигенціи: иначе какъ могла бы она мириться съ тѣмъ, что именно важнейшее дѣло въ области всего просвѣщенія, обученіе народа, поручалось въ огромномъ большинствѣ случаевъ учителямъ наименѣе образованнымъ или нерѣдко неспособнымъ къ такой дѣятельности; какъ могла бы именно высшая, отборная интеллигенція смотрѣть на это дѣло какъ на несвойственное ей высокому ученому положенію, создавать какую-то ученую іерархію, гдѣ профессорамъ якобы свойственно превозноситься надъ доцентами, а преподавателямъ высшихъ учебныхъ заведеній смотрѣть съ вершинъ ученаго Олимпа, свысока, на своихъ младшихъ собратьевъ, трудящихся, какъ муравьи, у подножія пирамиды знанія?“...

И власти и обществу, и ученымъ специалистамъ и всей интеллигенціи пора бы проникнуться сознаниемъ, что никакая высота служебнаго положенія и никакія ученія заслуги и труды не избавляютъ *никого* отъ учительскаго служенія *именно въ области первоначальнаго обученія*, что отбытіе этой службы (конечно, *добровольное*) такая же нравственная, ничѣмъ не замѣнимая обязанность, какъ и воинская всеобщая повинность, которая къ тому же, по убѣжденію нашего мыслителя, неразрывно связана съ вопросомъ объ обще-обязательномъ образованіи.

Воспитаніе сознанія этого долга въ интеллигенціи должно бы быть существенно нравственною обязанностью университета, задача котораго, какъ и государства, какъ и церкви, состоитъ въ прекращеніи внутренней розни и раздѣленія на ученыхъ и неученыхъ, въ объединеніи всѣхъ для разслѣдованія причинъ не-братства и вражды и для пріисканія средствъ къ ихъ устраненію (Статья „Университетъ, какимъ онъ долженъ быть“). „Но откуда ждать единства между учеными и неучеными, когда глубокая пропасть отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга во всемъ ихъ міро-и жизне-воззрѣніи? Какъ возможно въ настоящее время просвѣщеніе цѣльное и всеобщее, „когда само просвѣщеніе, самъ свѣтъ сталъ вопросомъ, ибо то, что одни называютъ свѣтомъ, противникамъ ихъ кажется тьмою?..“ Противорѣчіе это тѣмъ болѣе невыносимо, что „невѣрующіе, обзывающіе вѣрующихъ обскурантами за ихъ неувѣжественность, происходящую отъ невѣдѣнія, забываютъ, что право на пребываніе въ невѣдѣніи они однако признаютъ за стоящими въ главѣ ихъ самихъ, за критическими философами и за учеными агностиками, исповѣдующими одночленный отрицательный символъ вѣры: „Ignoramus!“ Если для однихъ нѣтъ отвѣтовъ на важнѣйшія „міровыя загадки“, а для другихъ нѣтъ вообще ничего абсолютно - истиннаго, то какимъ яснымъ цѣлямъ жизни, какимъ опредѣленнымъ планамъ дѣятельности будутъ учить неученыхъ послѣдователи этихъ искреннихъ мудрецовъ, знающихъ только о своемъ незнаніи?.. Впрочемъ, бессильные указать истину, они однакоже считаютъ себя очень сильными въ приемахъ опроверженія и отрицанія. Но если бы даже это незавидное самолюбіе и не было самообольщеніемъ, все-же оно сила только разрушающая, злая сила, и не этой мнимой силѣ научить успешной борьбѣ съ общимъ врагомъ ученыхъ и неученыхъ, вѣрующихъ и отрицающихъ, съ слѣпою силою неразумной природы, силою уже немнимою, а дѣйствительно разрушающею, которая если и рождаетъ къ жизни, то для того лишь, чтобы снова умерщвлять“ (Статья „Всеобщее обязательное обученіе, какъ вопросъ международный“).

Всеобщаго спасенія нечего, слѣдовательно, ждать отъ людей разслабленныхъ сомнѣніемъ. Но столь же тщетно было бы ждать его и отъ вѣрующихъ, довольствующихся одною субъективною вѣрою: несокрушимые въ чертѣ своего собственнаго внутренняго духовнаго опыта, они бессильны сообщить свою непосредственную убѣжденность тѣмъ, кому этотъ опытъ чуждъ, у кого нѣтъ настроенія для воспріятія свѣта вѣры. Взаимодѣйствія дружнаго и объединен-

наго между двумя группами лицъ, живущими разными чувствами, какъ бы въ двухъ разныхъ мірахъ, быть слѣдовательно не можетъ, а безъ всеобщности желанія и усилія нѣтъ и всеобщности спасенія. Примиреніе между вѣрующими и невѣрующими станетъ однако возможнымъ, если за вѣру признаемъ „осуществленіе чаемаго“, исполненіе воли Божіей („да будетъ воля Твоя!“), пришествія Царства Божія („да придетъ Царствіе Твое!“), безсмертія, воскресенія („чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка“): тогда вѣра, не оставаясь долѣ бездоказательною *субъективностью*, но не довольствуясь и отвлеченною *объективностью*, станетъ *проективною*, дастъ свое реальное, универсальное доказательство не мышленіемъ, не представленіемъ только, не однимъ внутреннимъ невидимымъ чувствомъ, не таинственными видѣніями въ даляхъ мистическаго полусвѣта, но и дѣйствіемъ, но и фактомъ, *осуществленіемъ самого чаемаго*. „Символь Вѣры“ будетъ исповѣданъ не устами одними, а исполненъ жизненно, „Молитва Господня“ свершится на небеси и на земли, и въ торжествующемъ славословіи истины („Аминь!“) сольются умы и сердца и сомнѣвавшихся и вѣрившихъ.

До тѣхъ-же поръ, пока наука съ одной стороны, вѣра—съ другой изъ пассивныхъ, созерцательныхъ не станутъ активными и проективными, невозможно надѣяться на примиреніе ученыхъ съ неучеными, а слѣдовательно и свѣтской школы съ духовною; разладъ двухъ разумовъ и двухъ сословіи будетъ неизбеженъ, и „въ то время, какъ для однихъ началомъ премудрости будетъ страхъ Господень, для другихъ отрицательная критика, хула, будетъ началомъ премудрости, и въ особенности хула на предковъ“ (Статья „Объ университетѣ, какъ отживающемъ учрежденіи, увѣковѣчивающемъ несовершеннѣе“).

Этою противоположностью объясняется трагическое положеніе университетовъ въ обществѣ, утратившемъ естественное единство, уподобившемся „дому, раздѣлившемуся въ самомъ себѣ“ и потому осужденному, по слову Евангельскому, на паденіе. По термину, унаслѣдованному отъ родоваго быта, университетъ есть *Alma mater*; слѣдовательно, вся интеллигенція, трудящаяся въ различныхъ учрежденіяхъ, составляетъ одну семью и, какъ одна семья, сливается съ семьей въ болѣе обширномъ смыслѣ, съ государствомъ, а слѣдовательно и съ народомъ. По неспоканному смыслу это связь чсто-родственная; истинная же родственность немислима безъ любви къ отцамъ (Статья „Университеты въ прошломъ и настоящемъ“); между тѣмъ университетъ забвеніемъ своего назначенія „уничтожаетъ внутреннюю рознь и раздѣленіе на ученыхъ и неученыхъ“, отрекся отъ родственнаго начала, замѣнилъ его неопредѣленнымъ, отвлеченнымъ гуманизмомъ, не замедлившимъ выродиться въ *юмункулизмъ*. И вотъ, учрежденіе, призванное къ умиротворенію и созиданію, искажается въ „самозванное, самочинное судилище, призывающее къ своему суду все, что было святаго, до самого даже Бога, хулу (отрицательную критику) возводитъ въ начало премудрости, ученика ставитъ выше учителя, студента выше профессора... Узаконяя въ курсахъ юридическихъ и экономиче-

скихъ наукъ неродственные отношенія, оно подаетъ поводъ несовершеннолѣтнимъ, молодежи, узурпировать и попить права старшихъ, совершеннолѣтнихъ, признавать ихъ подсудными себѣ, а несогласяющимся на такое подчиненіе отвѣчаетъ вышею нелѣпостью со стороны учащихся, угрозою учебныхъ забастовокъ: аудиторіи изъ мѣстъ пріобрѣтенія знанія превращаются въ мѣста сборищъ буйныхъ наукоборцевъ, и почтенная Alma Mater просвѣщенія (выражаясь словами древне-русскаго обличителя) оглашается задорными голосами „щенять брешущихъ во чревѣ матери“. Не находя достаточно рѣзкихъ словъ для порицанія этого „ребяческаго [анархизма“, этихъ „мальчишескихъ и дѣвическихъ революцій“, Н. ѳ. еще болѣе возмущался пассивнымъ или потворствующимъ отношеніемъ нѣкоторой части общества къ этой новой формѣ власти, каторую онъ окрестилъ саркастическимъ названіемъ „эмбриократіи“. Отвлеченіе отъ занятій столь дорогимъ ему знаніемъ, трата лучшихъ силъ и невозвратимаго времени на усобицу, гибельную прежде всего для самой молодежи, неуваженіе къ храму науки, къ долгу учащаго и учащагося, все въ этихъ плачевныхъ событіяхъ заставляло его считать настоящимъ преступленіемъ даже косвенное, даже пассивное, молчаливое поощреніе незрѣлыхъ и потому до извѣстной степени не во всемъ вмѣняемыхъ умовъ къ тѣмъ противоестественнымъ движеніямъ, которыя, къ несчастью, какъ бы уже вошли въ обиходъ нашей жизни подъ ублаживающимъ приличнымъ терминомъ „академическихъ безпорядковъ“ (Статьи: „Университетъ какъ отживающее учрежденіе“. „Жалоба блудныхъ сыновъ нашего времени на отцовъ“, „Наукоборство и религіоборство“, „10 лѣтъ безобразій Русскихъ софтъ“, „Ребяческій анархизмъ“, „О зломъ хамитизмѣ нашего времени“ и другія).

Но участь народнаго образованія, по мнѣнію Н. ѳ—ча, зависить не отъ одного интеллигентнаго класса, но и отъ отношенія къ этому дѣлу всего общества, рѣшительно *всєю*; ибо школа есть колыбель будущаго всеобщаго спасенія, а таковое можетъ осуществиться только *всеобщимъ участіемъ во всеобщемъ трудѣ и притомъ добровольномъ*. Эти два начала, всеобщность и добровольность, непрестанно привлекали къ себѣ мысли и чувства Н. ѳ—ча, и онъ глубоко вѣрилъ въ ихъ конечное торжество, по крайней мѣрѣ въ средѣ истинно-Русской; этою надеждою, можно сказать, и жилъ. Вопреки теоріи преступной толпы, теоріи, получившей такую извѣстность послѣ болѣе остроумныхъ, чѣмъ осторожныхъ работъ Зигеле, Тарда и др. писателей, нашъ мыслитель находилъ это ученіе непримѣнимымъ въ его слишкомъ смѣлыхъ обобщеніяхъ къ Русскому народу, въ исторіи котораго, рядомъ со случаями понижающаго вліянія толпы на нравственный уровень личности, существуетъ множество несравненно болѣе крупныхъ и убѣдительныхъ примѣровъ повышающаго, облагораживающаго вліянія сообщества, и, если хотите, даже толпы, но такой, которая, именно въ силу этихъ своихъ способностей, никакъ не можетъ быть подведена подъ данное ей на Западѣ нелестное опредѣленіе. И это положеніе, примѣнительно къ Русской жизни прошлой и отчасти настоящей, настолько вѣрно, что не будетъ парадоксомъ утверждать, что почти все луч-